

Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке

Ксения Георгиевна Костина

*Научно-исследовательский институт национального образования,
Ижевск, Россия*

Введение. Глагольная система любого языка обладает огромным потенциалом для обозначения многочисленных действий, совершаемых человеком в различных аспектах его деятельности. Отношения действия или состояния субъекта к его объекту определяются грамматической категорией залога, представленной в удмуртском языке парами понудительного и непонудительного, возвратного и невозвратного залоговых отношений. В фокусе данной статьи оказываются вопросы функционирования возвратного залога глагола в современном удмуртском языке, включая этимологию маркера залога и грамматические значения возвратных глаголов.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили Удмуртско-русский словарь (2008) и тексты художественных произведений удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка. В работе использовался набор исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального анализа, учитывающий ситуативную обусловленность залога глагола. Использование перечисленных методов дает возможность рассмотрения на конкретных примерах структуры, динамики и особенностей функционирования возвратного залога глагола в удмуртском языке.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного исследования к группе возвратных залогов удмуртского языка нами впервые отнесены выделяемые ранее в качестве отдельного залога глаголы страдательного значения. Основанием этому послужила низкая вероятность использования страдательных конструкций в разговорной речи. Встречающиеся случаи использования страдательного значения глагола в литературе и периодической печати обусловлены калькированным переводом иноязычных конструкций.

Заключение. В грамматическом строе удмуртского языка категория залога глагола представлена двумя бинарными залоговыми формами: возвратный/невозвратный залог и понудительный/непонудительный залог. Специфическими показателями возвратности служат аффиксы *-ськ(ы)/-ск(ы)*, *-иськ(ы)/-йськ(ы)*. С точки зрения семантического наполнения выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. Предложенная классификация определяется спецификой отношений субъекта и объекта действия.

Ключевые слова: удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, финно-угорские языки, глагол, категория залога, возвратный залог

Для цитирования: Костина К. Г. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 358–368. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.

Введение

В лингвистической системе любого языка важную роль играет глагол, поскольку глагольные формы формируют ядро предложения. Грамматические категории глагола, в свою очередь, позволяют обнаружить отношение действия к внутреннему пределу (категория вида), актуализируют переход на объект (категория переходности-непереходности), отношение действия к моменту речи (категория времени), отношение действия к действительности (категория наклонения), отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим (категория лица), количество субъектов, отнесенных к действию (категория

числа) [5, 2108]. В этом ряду особое место принадлежит глагольной категории залога, большинство теоретических попыток осмысления которой основываются на формулировке А. В. Бондарко: «Залог – это грамматическая категория, выражающая субъектно-объектные отношения (связаны с семантикой), с одной стороны, и отношения между подлежащим и сказуемым (связаны с синтаксисом) – с другой»¹. Позднее теория языковеда дополняется А. А. Холодовичем понятием

¹ Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 47.

«диатеза», определяющим соответствие между ролями глагольной системы (субъектом, объектом и адресатом) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнением)². Иначе говоря, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова [8, 169]. Отчасти поэтому в последние годы все больше внимания уделяется семантическому аспекту залоговых отношений [13, 74].

Залоговая система глагола удмуртского языка характеризуется следующими группами: непонудительный/понудительный залог, специфическим маркером которого служит аффикс *-т(ы)-*; невозвратный/возвратный залог с морфемами *-ськ-/-(-ск-), -иськ-/-(-йськ-)*³.

Основная цель статьи заключается в изучении функционирования возвратного залога глагола в современном удмуртском языке. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: а) выявить грамматический статус категории залога в удмуртском языке; б) определить маркеры обозначения возвратного залога глагола и их этимологию; в) рассмотреть семантические значения возвратного залога.

С учетом вышесказанного объектом исследования является грамматическая категория залога глагола в удмуртском языке. Предмет исследования – возвратный залог глагола и его категоризация с учетом грамматических значений.

Обзор литературы

Начало изучения вербальных единиц возвратного залога глагола в удмуртском языке, как и их фиксация, относится ко второй половине XVIII в., когда В. Пуцек-Григоровичем в первой научной грамма-

тике удмуртского языка были описаны действительное и страдательное значения глаголов. Как отмечается автором, при образовании страдательного значения основой служит действительный глагол в сочетании с маркером *кысь – вераськысько* ‘разговариваю’ – либо глагол с усилительно-личным местоимением *ачид* ‘сам’ – *тонь астэ ачидь вераськодъ* ‘ты сам себя сказываешь’⁴. Идея использования действительного знаменования в качестве основы для создания страдательного развита в «Опыте краткой удмуртской грамматики» М. Могилина⁵.

Детальное изучение возвратного залога было продолжено исследователями XIX в. Так, И. Видеманом в числе грамматических значений медиума с суффиксом *-ськ-* выделяются рефлексивное и пассивное⁶.

В научных трудах в области морфологии удмуртского глагола начала XX в. количественная характеристика грамматических значений современного возвратного залога расширяется до пяти видов. В частности, Г. Е. Верещагиным, П. П. Глезденевым выделяются следующие залоговые формы: действительный (*Учы бине пузкар* ‘Соловей вьет гнездо’), страдательный (маркер *-ське-*: *лэсьты* ‘делай’ – *лэсьтыське* ‘делается’), возвратный (маркер *-ськы-*: *мисьта* ‘мой’ – *мисьтаськы* ‘мойся’), взаимный (маркер *-ськы-*: *жугы* ‘дерись’ – *жугыськы* ‘дерется’)⁷, средний (*пурт ныжсое* ‘нож тупится’ (*пурт ныж луэ* ‘нож становится тупым’), *пу квасьме* ‘дерево сохнет’ (*пу көс луэ* ‘дерево становится сухим’)) залог⁸. Как замечает Г. Е. Верещагин, глаголы среднего залога не имеют внешних различительных признаков. Для обозначения залоговой принадлежности следует ориентироваться

² См.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 117.

³ См.: Морфология удмуртского языка: науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина и др. Ижевск, 2011.

⁴ См.: Сочинения, принадлежащие к вотской грамматике. СПб., 1775. С. 53. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/25424> (дата обращения: 13.07.2021).

⁵ См.: Могилин М. Краткой отяцкия Грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. С. 164–165.

⁶ См.: Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. S. 115–118.

⁷ См.: Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. С. 34–35.

⁸ См.: Верещагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6, кн. 1. Труды по языкознанию. Ижевск, 2002. С. 114.

на семантику глагола и рассматриваемый контекст⁹.

Г. Е. Верещагиным предлагается использовать следующие термины для обозначения глаголов возвратного залога: *лэсьтон сярысь веран* ‘действительный’, *аслыз берытскысь* ‘возвратный’, *чочен лэсьтон* ‘взаимный’, *лэчкысь ужкыл* ‘средний’, *асбордаз кылъысь* ‘страдательный’¹⁰. Современными исследователями отмечается, что данные дефиниции внесли существенный вклад в разработку залоговой терминологии глагола на удмуртском языке [2, 447].

Грамматические категории глагола позволяют обнаружить отношение действия к внутреннему пределу (категория вида), актуализируют переход на объект (категория переходности-непереходности), отношение действия к моменту речи (категория времени), отношение действия к действительности (категория наклонения), отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим (категория лица), количество субъектов, отнесенных к действию (категория числа). В этом ряду особое место принадлежит глагольной категории залога.

Функциональная нагрузка и семантическое наполнение показателя возвратного залога раскрываются в грамматиках удмуртского языка указанного периода. Так, И. В. Яковлевым различаются собственно-возвратное, взаимно-возвратное и дуративное значения суффикса *-ськ(ы)*¹¹. Значением многократности наделяется

аффикс *-isk-* в грамматиках А. И. Главатских, А. И. Емельянова¹².

Семантику возвратного, страдательного и взаимного залога глагольных форм суффикса с залоговым значением *-sk* и его фонетического позиционного варианта *-sk* рассматривает Б. А. Серебренников¹³. А. А. Поздеева дополняет спектр значений семантикой безличности и непрерывности действия¹⁴.

Новый взгляд на теоретическое осмысление грамматической категории залога был предложен в различных научных трудах по удмуртскому языку второй половины XX – начала XXI в. [1; 10], а также в грамматиках¹⁵ и учебной литературе¹⁶. В данных изданиях выделяются залоговые пары понудительности-непонудительности и возвратности-невозвратности. Состав грамматических значений возвратного залога расширяется, при этом глаголы со страдательным значением, представляемые ранее отдельно функционирующим залогом, относятся к одному из значений возвратного залога.

Для исследования возвратного залога удмуртского языка важными являются научные размышления И. А. Котковой, изложенные в статьях «Грамматические значения глаголов возвратного залога в удмуртском языке» [6] и «К вопросу о залогах в удмуртском языке» [7], а также монография коми лингвиста Е. А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» [12]. Именно в этих работах представлены наиболее содержательные сведения о функционировании залога и семантических формах возвратного залога.

Как можно заметить, в вышеперечисленных исследованиях зафиксированы отдель-

⁹ См.: Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 114.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: (Элементарная грамматика удмуртского языка). Ижевск, 1931. С. 44. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/18673> (дата обращения: 13.07.2021).

¹² См.: Главатских А. И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тй локет: Морфология. Ижкар, 1933. С. 79–84. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/19003> (дата обращения: 12.07.2021); Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927. С. 70.

¹³ См.: Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М, 1963. С. 333–334.

¹⁴ См.: Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. 1-тй локетэз: Фонетика но морфология: неполной средней но средней школалы учебник. Ижевск, 1949. С. 139. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/19148> (дата обращения: 13.07.2021).

¹⁵ См., например: Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 2001.

¹⁶ См., например: Морфология удмуртского языка. С. 211–220.

ные аспекты функционирования категории возвратного залога в системе удмуртского и родственных пермских языков: разработана терминология для обозначения залоговых форм, частично определено их грамматическое содержание, выделены семантические значения категории. Очевидной становится необходимость комплексного представления возвратного залога глагола в удмуртском языке, его маркеров, грамматических значений.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили научные тексты ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в области морфологии глагола удмуртского и коми языков, таких как Ф. И. Видеман, Н. В. Кондратьева, И. А. Коткова, Г. А. Ушаков, Е. А. Цыпанов. Основным источником корпуса возвратных глаголов послужили данные Удмуртско-русского словаря под редакцией Л. Е. Кирилловой¹⁷. Тексты художественных произведений прозаиков удмуртской литературы в составе Национального корпуса удмуртского языка¹⁸ стали источниковой базой исследования.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального анализа. Применение указанных методов позволяет на конкретных примерах рассмотреть структуру, динамику и особенности развития и функционирования возвратного залога удмуртского глагола.

Результаты исследования и их обсуждение

При определении понятия «глагольный залог» исследователями вкладывается в него разнообразное содержание, вследствие чего в языкознании функционирует несколько подходов к рассмотрению данной категории. В саамском, финском, венгерском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная залого-

вые формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. Так, отечественными лингвистами в финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога [3, 73].

В удмуртском языке выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. К ним отнесены и выделяемые ранее в качестве самостоятельной категории глаголы страдательно-возвратного залога. Основанием для этого является то, что границы между возвратными и страдательными глаголами оказываются размытыми из-за наличия общего формального признака – суффиксов **-ськ/-ск-**, **-иськ/-йськ-**.

Формальным признаком возвратного (рефлексивного) залога глагола в удмуртском языке, функционирующего в бинарной оппозиции с невозвратным, является наличие аффиксов **-ск(ы)/-ськ(ы)-**, **-иськ(ы)/-йськ(ы)-**. Данные показатели формируют возвратность на основе глаголов действительного залога. Диалектными вариантами маркера выступают суффиксы **-чк(ы)-**, **-цк(ы)-**, **-к(ы)-**: грах., кыр. *кучкыны* ‘начаться’ (лит. *кутскыны*), сч. *дышецкыны* или сред. *дышеткыны* ‘учиться’ (лит. *дышетскыны*) [6, 25]. Как отмечает Б. А. Себреников, этимология показателей возвратности глагола восходит к аффиксу **-sk** и его фонетическому позиционному варианту **-sk**, что наделяет действительные глаголы семантикой возвратности, страдательности и взаимности. Лингвистом дополнительно выделяется суффикс **-ask** – в качестве вариативного аффикса глаголов второго спряжения с основой на **a-** (*viz'many* ‘образумить’ – *viz'maskyny* ‘образумиться’),

¹⁷ См.: Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост.: Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

¹⁸ См.: Национальный корпус удмуртского языка. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 13.07.2021).

-jask – для глаголов в инфинитиве на **-jany** (*pogjany* ‘комкать’ – *pogjaskyny* ‘измяться’), **-mjask** – для выражения притворности действия¹⁹.

В саамском, финском, венгерском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная залоговые формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. Так, отечественными лингвистами в финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога.

По мнению А. И. Емельянова, **-śk** образуется из сочетания **-yśk, -iśk** в результате: а) палатализации согласной **t** перед суффиксом под влиянием соседнего **s** и образования с последним глухой аффрикаты **ts**: *berytyske* > *berytiske*; б) потери палатализации и отвердения согласного **t** под влиянием **s**: *uatyśkem* > *uatskem*²⁰. Обстоятельный взгляд на этот вопрос изложен Ф. И. Видеманом и Д. Фокош-Фуксом, которые на основе сопоставления суффикса **-śk** в пермских языках отмечают их общий праисточник с первоначальным смыслом длительного, континуативного, значения и относят его к финно-угорскому возвратному суффиксу²¹. Значение многократности ими отвергается, хотя Б. А. Серебренников считает эту семантику наиболее древней²².

Зарубежными лингвистами показатели возвратности глаголов включаются в число словообразовательных²³. Данная тенденция оправдана, поскольку маркер **-sk- (-ськ-)** в

удмуртском языке помимо наделения глагола действительного залога значением возвратности служит словообразовательным средством при вербализации других частей речи, например существительного: *шер* ‘брусок, точило’ (сущ.) – *шерыны* ‘точить’ (инф.) – *шериськыны* ‘точить на точиле, заниматься точкой’ (гл. возвр. з.), наречия: *сьорлань* ‘назад’ (нар.) – *сьорланьскыны* ‘отодвинуться назад’ (гл. возвр. з.)²⁴. Э. Винклер показывает рефлексивности рассматривает в качестве морфем, изменяющих валентность глаголов и наделяющих глагол собственно-возвратными и взаимно-возвратными значениями²⁵.

Суффиксы **-sk-/-ськ-, -иськ-/-йськ-** могут занимать в слове различную позицию – как перед показателем многократности глагола, так и после него: *шуккиськылыны* и *шуккылйськыны* ‘ударяться’. Маркер сохраняется и в лексемах других частей речи, образованных от возвратных глаголов, в частности деепричастия: *люкаськыкуз* ‘собираясь’²⁶. Кроме того, одна лексема может совмещать одновременно возвратный и понудительный залоги, например: *лыдзиськытыны* ‘понудить заниматься чтением’ или: *басьяськытыны* ‘понудить заниматься покупками’. Такие глаголы являются двухзалоговыми: *Пичиесь адямиос бадзымъёс вёзын сяськаяськытйзы та огшоры буш кыллись вырйылэз* «Маленькие люди рядом со взрослыми заставили расцвести эту свободную землю»²⁷.

По принципу дифференциации залоговых значений глаголов с учетом признаков отношения раздельность-нераздельность субъекта и объекта действия и с учетом имеющегося опыта изучения категории залога в пермских языках нами выделены пять семантических категорий глаголов возвратного залога в удмуртском языке.

¹⁹ См.: Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 334.

²⁰ См.: Емельянов А. И. Указ. соч. С. 70.

²¹ См.: Wiedemann F. J. Op. cit. S. 85–86; Fuchs D. R. Die reflexiven Zeitwörter des Syrjänischen // Keleti Szemle. 1913. XIV. Kötet. Old. 106–129; 282–305.

²² См.: Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 311–320.

²³ См.: Csúcs S. Chrestomathia Votiacica. Budapest, 1990.

²⁴ См.: Морфология удмуртского языка. С. 211.

²⁵ См.: Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011. S. 122.

²⁶ Ibid. S. 212.

²⁷ Здесь и далее использованы примеры из Национального корпуса удмуртского языка, к которым автором статьи приведен подстрочный перевод.

Глаголы рефлексивного значения

Вербальные единицы обозначают действие, субъект и объект которого заключаются в подлежащем, выраженном одушевленным лицом (чаще человеком) или местоимением [14, 20]. Действие, направленное непосредственно на его инициатора, характеризуется:

а) тотально-рефлексивным значением (оказанием тотального влияния). В подобных конструкциях глаголы возвратного залога можно заменить сочетанием глагола и усилительно-личного местоимения *ассэ ачиз* 'сам себя'²⁸: *Кышномуртлэсь куалектэмзэ шодыса, соку ик со воштйськиз* «Почувствовав испуг женщины, он тут же поменялся»; *Тол кытчы ке пельтэ, тон но отчы ик куасалскиськод* «Гнешься туда, куда ветер дует»; ср.: *Поручик ассэ ачиз сэзъялтйз но юн-юн кариськиз* «Поручик отряхнулся и стал стойким»;

б) парциально-рефлексивным значением (не полностью переходящим на субъект влиянием). Действие либо производится некоторыми частями тела инициатора, либо переходит на некоторые части тела или его поверхность [4, 217; 9, 227]: *Немец кыллы дышетйсьмы но уроке яркыт буяськыса лыктэ* «И учитель немецкого языка приходит на урок, ярко накрашившись»; *Нош туннэ, синучкон азын мычискыса сылыкуз, азбартй пырись нылэз адзиз* «Сегодня, когда брился, стоя перед зеркалом, увидел входившую во двор девушку».

Разновидностью парциально-рефлексивных глаголов служат единицы, обозначающие действие, вызванное соприкосновением с объектом действия: *Кымысыным шорк! шуккиськи укно пияла борды* «Лбом шарк! ударила об оконное стекло»; *Му-выръёс борды канжасько, усё* «Спотыкаются о бугорки, падают».

Глаголы реципрокного (взаимно-возвратного) значения

Глагольные единицы выражают действие двух или нескольких лиц, являющихся друг для друга одновременно субъектами и объектами. Взаимность

действий подчеркивается множественным числом глаголов и субъектов: *Ми чупаськиськом* «Мы целуемся»; *Шудо-а, жугисько-а озыы?* «Играют или дерутся так?».

При использовании глагола в единственном числе объект действия выражается существительным в творительном падеже или с послелогом: *Со дырысен мон Мишаен ой пумиськылы на* «С тех пор я с Мишей еще не встречалась»; *Ана-ез борды зыгыртйськиз, ымнырзэ солэн гадяз ватйз* «Обнялась с мамой, лицо спрятала в ее груди». В отдельных случаях маркер взаимно-возвратного значения глагола *-ськ-*, с которым вербализуются именные части речи, передает характер отношений между исполнителями действий: *Кык пиос Лева но Рудик городысь из юртын одйг подъездын уло но туж эшьясько* «Двое парней, Лева и Рудик, живут в одном подъезде кирпичного дома и дружат».

Интерес представляют примеры типа *Вераське Устинов* «Говорит Устинов» [11], возвратный глагол в которых, на первый взгляд, обозначает взаимно-возвратное действие. Однако таковым оно является в предложении *Ма быдэс гурт вераське ук!* «А ведь вся деревня говорит!», где предполагается коммуникация нескольких людей. В примере про Устинова выражается одностороннее значение глагола, не предполагающее собеседников. Это свойственно монологическим текстам публичного характера.

Глаголы медиального значения

Данные формы глагольных единиц показывают, что действие совершается собеседником в его интересах. К этой категории относятся глаголы, выражающие характер изменений, протекающих в субъекте под влиянием внешних факторов [12]:

а) глаголы, выражающие изменения в психофизиологическом состоянии субъекта, появление или обретение качества, свойства: *Зэм, нырысь-валысь талэсь възьдаськылы* «И вправду, сначала это-

²⁸ См.: Морфология удмуртского языка. С. 213.

го стеснялась»; *Малы со сокем лекъяське зоотехниклы?* «Почему он так злится на зоотехника?»;

б) медиальные глаголы со значением изменения пространственного положения, направления движения субъекта: *Нош гуртын соосты нокин но кылзйсь өвёл, кышкаса палэнтйське* «В деревне их никто не слушает, от страха отстраняются»; *Васька гурт палаз озёлскиз* «Василий пошел в сторону деревни»;

в) медиально-занятийные глаголы со значением постоянной или длительной продолжительности выполнения действия. В частности, это обозначение профессиональной деятельности людей: *Воргоронъес бергало юртъер котыртйзы, мар ке лусйське, йыгаське* «Мужчины крутятся вокруг дома, что-то строгоают, стучат»; *Переводчик пыр юалляськызы солзсь* «При помощи переводчика опросили ее»; декоративно-прикладных, бытовых занятий: *Гидкуазязы потыса, Кирила мар но со утялтйськыны кутскиз вал, чапак со кустын капкаетй пырись луиз* «Выйдя во двор, Кирилл начал убираться, но в это время кто-то вошел в ворота»; ...*анаеныз атаез кужмысь косыса но дораз пукиз – черсйськиз, куиськиз, нужыятйськиз* «...несмотря на настоячивые просьбы родителей, сидела дома – пряла, ткала, вышивала»;

г) глаголы с семантикой начала, намерения, прекращения действия: *Школаын но, Можга педучилищезын дышетскыкум но, мон кылбуръесгес гожъялляй, нош Литературной институтысен веросьёс борды басътйськи* «Когда училась в школе и в Можгинском педучилище, я больше писала стихотворения, а в Литературном институте взялась за рассказы»; *Ларивон кошкем бере, Васялэн пезятаез но мунчое дасяськыны кутскиз* «После ухода Илариона и дед Васи начал готовиться к бане»;

д) глаголы, подчеркивающие выполнение действия по велению (просьбе, наставлению) второго лица: *Аназлзсь кылзйськыса, врачэ дышетскиз со* «По наставлению матери выучился на

врача»; *Соослзсь кылзйськыса, Ушаков правлений куинь куреглы требоваение гожтытйз* «Послушав их, Ушаков в правлении вынудил выписать требование на трех куриц»;

е) глаголы, обозначающие факт лишения или наделения субъекта действия чем-либо: *Көнә ке улыса, Тимофей но кышнояськиз* «Через некоторое время Тимофей женился»; *Автор та учыре но удмурт литератураын азьвыл “дышем сямлзсь” куштйське: со Митрошин кадьёсты но валаны тырше, соосты карикатура, фельетон амалъёсын гинэ уг возматы, зэмос реализм амалз кутэ* «Автор в этом случае отстраняется от устаревших “привычных подходов” в литературе: он аналогичных Митрошину героев старается понять, изображает их не только при помощи карикатуры, фельетона, но и использует прием реализма». К этой же подкатегории относятся глаголы в переносном значении: *Мылкыд кыче ке бурдъяське* «Душа окрыляется»;

ж) глаголы со значением автомативного, импульсивного действия, совершаемого предметами самостоятельно. Указанное значение предполагает неодушевленность субъекта действия или представление его в виде отдельной части тела человека: *Син азам ик лыз-вож котретъёс адскизы* «Перед глазами показались сине-зеленые круги»; *Мыжыкъёсыз лосыр кырмиськызы, пиньёсыз зикыр-р! куртчиськызы* «Кулаки с хрустом вцепились, зубы со скрипом вгрызлись». В приведенных примерах действия частей тела и кругов перед глазами создает ощущение того, что они олицетворены и что действие выполняется одушевленными лицами. Отчасти по этой причине данная категория финскими лингвистами была названа автомативами²⁹.

Среди глаголов медиального значения в удмуртском языке функционируют также вербальные конструкции с безобъектным значением, представленным категориями активно-безобъектного и пассивно-безобъектного значения:

²⁹ См.: Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne. Helsinki, 2000. S. 288–289; Koivisto V. Itämerenrefleksiivit. Helsinki, 1995. S. 265; Sakuma J. Reflexive verbs and anti-causativity in the Finnish language // Journal of Slavic Linguistics. 2013. No. 9. P. 25.

з) глаголы активно-безобъектного значения. Они передают действия, являющиеся свойственной субъекту специфической способностью. Дополнительным признаком служит отсутствие объекта в структуре отношений (объект – действие – субъект): *Со [вал] весь жуштэ, чыжаське, султыны выре* «Она [лошадь] постоянно стонет, лягается, пытается встать»; *Мес кунян ке вордйське, соиз уг лекаськы* «Если рождается телка, то она не бодается». Заметим, что эта подгруппа чаще представлена глаголами – дериватами зоонимов, посредством которых выражаются присущие тем или иным животным постоянные поведенческие манеры;

и) глаголы пассивно-безобъектного значения. С их помощью выражаются свойства субъектов, вызванные действиями внешних причин: *Но отын ву ярдурозь ик пальккаське* «А там вода до берегов расплескивается»; *Пуртсэ но кияз чигиськы-са кылем нбӱрзэ сэрпалтыса, корказ пыриз* [Со] «Выкинув нож и сломанную в руках ветку, [Она] зашла домой». В этих примерах расплескивание воды и разлом ветки вызваны внешними воздействиями. В первом предложении инициатором действия выступает ветер, во втором – человек.

Глаголы имперсонального значения

В конструкциях с глаголом имперсональной семы, иначе именуемой пассивно-возвратным или непроизвольно-пассивным значением [12], подлежащее отсутствует. Активность осуществляется непроизвольно, по причинам, не зависящим от носителя действия [15, 64]: *Жадеменым озьы кылйське ни, дыр, – ассэ ачиз буйгатйз Дима* «От усталости так слышится, наверное, – успокоил себя Дима»; *Улйськиз, шуйсько, Георгий Ильич! Э-эх-ма, улйськиз...* «Жилось, говорю, Георгий Ильич! Э-эх-ма, жилось».

Глаголы пассивного значения

Сущность глаголов пассивного значения заключается в актуализации объекта действия путем выдвигания его в позицию подлежащего [10, 64; 17, 35]. В от-

личие от индоевропейских в финно-угорских языках пассивом можно обозначить только ту активность, которую совершил одушевленный деятель (человек), поэтому в текстах художественной литературы инициатор события может отсутствовать, но определяться из контекста: *...общественной порядкез утёнын калыкен чош ужано, со понна сыче но сыче совет но дружина кылдытйське* «...в сохранении общественного порядка надо работать сообща с народом, для этого создаются такие совет и дружина»; *Та удысын табере колхозьеслы бадӱым эрик сетйське* «В этой отрасли теперь колхозам независимость предоставляется». В приведенных предложениях инициаторами действий, о которых идет речь (создаются совет и дружина, предоставляется независимость колхозам), являются одушевленные лица – народ и, возможно, представители административной власти³⁰. Во втором примере истинный субъект действия опущен и установить его по одному предложению сложно, но это можно сделать при изучении событийной структуры глагола и контекстуальной ситуации [16, 1712].

Два последних из рассмотренных значений возвратного залога довольно трудно различить, так как обе категории используются в текстах официально-делового стиля и в текстах художественных произведений, построенных, как правило, калькированием аналогичных форм индоевропейских, и прежде всего русского, языков. Поэтому необходимо отметить, что в удмуртском языке пассивное значение предполагает наличие субъекта действия.

Заключение

Как видно из представленной классификации, в удмуртском языке выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. К ним отнесены и выделяемые ранее в качестве самостоятельной категории глаголы страдательно-возвратного залога. Основанием для этого является то, что границы между возвратными и страдательными

³⁰ См.: Морфология удмуртского языка. С. 218–219.

глаголами оказываются размытыми из-за наличия общего формального признака – суффиксов *-ськ/-ск-*, *-иськ/-йськ-*. Кроме того, предложения со страдательными конструкциями для разговорной речи нетипичны, а возникающие в литературе, средствах массовой печати и текстах официально-делового стиля подобные схемы, как правило, образуются методом калькирования с русского языка.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>гл. возвр. з.</i>	– глагол возвратного залога
<i>грах.</i>	– граховский говор удмуртского языка
<i>инф.</i>	– инфинитив
<i>кыр.</i>	– кырыкмасский говор удмуртского языка
<i>лит.</i>	– литературный язык
<i>нар.</i>	– наречие
<i>сред.</i>	– срединный говор
<i>сущ.</i>	– существительное
<i>сч.</i>	– среднечепецкий говор удмуртского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 15–37.
- Кондратьева Н. В., Костина К. Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 444–452.
- Кондратьева Н. В. Туала удмурт кылысь залог каблэн пöрмемез но кутйськемез // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2009. № 1. С. 73–86.
- Корепина Н. А. Возвратные конструкции с глаголами физического действия // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 7. С. 215–219.
- Костина К. Г. Категория понудительного залога глагола в современном удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 7. С. 2108–2112.
- Коткова И. А. Грамматические значения возвратного залога глагола в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 24–27.
- Коткова И. А. К вопросу о залогах в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 20–24.
- Писарева В. В. Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте // Stephanos. 2018. № 4. С. 167–172.
- Салыхова З. И. Рефлексивные формы глагола в башкирском языке // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 226–229.
- Салыхова З. И. Трактовка страдательного залога глагола в тюркологии // Университетский научный журнал. 2016. № 23. С. 62–67.
- Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 112–116.
- Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2005. 284 с.
- Шабанов О. А., Шарифзода Х. М. Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 73–76.
- Alexiadou A. Active, middle, and passive: the morpho-syntax of Voice // Catalan Journal of Linguistics. 2014. No. 13. P. 19–40.
- Gulyás N. F. Speshilova Yu. Impersonals and passives in contemporary Udmurt // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2014. No. 38. P. 59–91.
- Kaufmann I. Middle voice // Lingua. 2007. No. 117. P. 1677–1714.
- Ten M. G., Kakzhanova F. A. The category of voice and aspect and their interaction // European Journal of Natural History. 2019. No. 1. P. 35–38.

Поступила 14.07.2021; одобрена 02.08.2021; принята 06.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. Г. Костина – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института национального образования, kostinaxenja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9007-1245>

Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language

Ksenia G. Kostina

*Institute of National Education,
Izhevsk, Russia*

Introduction. Any language's verb system has many resources for denoting various actions of people. The relations of the action or state of the subject to its object are determined by the grammatical category of the voice, represented in the Udmurt language by the pairs of causative – non-causative, reflexive – non-reflexive forms of voices. The article considers the functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language, including the etymology of the voice's affix, the grammatical meanings of reflexive verbs.

Materials and Methods. The main material of the research is based on the Udmurt-Russian Dictionary (2008) and the texts of Udmurt writers included into the National Corpus of the Udmurt Language. The article used a set of such research methods as descriptive, continuous sampling, contextual analysis, taking into account the situational conditioning of the verb voice. On specific examples, the use of these methods makes it possible to consider the structure, dynamics and features of the functioning of the reflexive voice of the verb in the Udmurt language.

Results and Discussion. As a result of the research, for the first time, among the reflexive voice's groups we include verbs of passive voice. The reason of it is the low probability of using passive constructions in colloquial speech. The frequent cases of using passive meanings of verbs in the literature and in the press are defined by the calcified translation of foreign-language constructions.

Conclusion. The grammatical structure of the Udmurt language is represented by two binary voice's forms: reflexive/non-reflexive voice and causative/non-causative voice. Specific indicators of reflexive voice are affixes **-ськ(ы)/-ск(ы)**, **-уськ(ы)/-уиськ(ы)**. From the point of view of semantic content, five semantic groups of returnable pledges are distinguished: reflexive, medial, reciprocal, impersonal, passive. The proposed classification is determined by the specifics of the relations between the subject and the object of action.

Keywords: Udmurt language, Udmurt grammar, Finno-Ugric languages, verb, category of voice, reflexive voice

For citation: Kostina KG. Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13:4:358–368. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.

REFERENCES

- Alatyrev VI. The first scientific grammar of 1775 and the development of the Udmurt linguistics. *200 let udmurtskoj pis'mennosti = 200 years of Udmurt writing*. Izhevsk; 1976:5–37. (In Russ.)
- Kondratieva NV, Kostina KG. History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics. *Vestnik ugrovedeniia = Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11:444–452. (In Russ.)
- Kondratieva NV. On the formation and functioning of the voice's form in modern Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologija = Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2009;1:73–86. (In Udm.)
- Korepina NA. Reflexive constructions with verbs of physical action. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo univer-*
- siteta = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2015;7:215–219. (In Russ.)
- Kostina KG. The category of the causative voice of the verb in the modern Udmurt language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2021;7:2108–2112. (In Russ.)
- Kotkova IA. Grammatical meanings of verb's reflexive voice in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*. 1993;6:24–27. (In Russ.)
- Kotkova IA. To the questions of voices in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*. 1993;6:20–24. (In Russ.)
- Pisareva VV. Proper-reflexive verbs in the comparative aspect. *Stephanos*. 2018;4:167–172. (In Russ.)

9. Saliakhova ZI. Reflexive verb forms in the Bashkir language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = The world of science, culture, education. 2011;3:226–229. (In Russ.)
10. Saliakhova ZI. Interpretation of the passive voice of the verb in Turkology. *Universitetskii nauchnyi zhurnal* = University Scientific Journal. 2016;23:62–67. (In Russ.)
11. Ushakov GA. On issues of the voice meanings of verbs. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo iazyka* = Questions of phonetics and grammar of the Udmurt language. Ustinov; 1986. (In Russ.)
12. Cypanov EA. Grammatical categories of the verb in the Komi language. Syktyvkar; 2005. (In Russ.)
13. Shabanov OA, Sharifzoda KhM. The theory of role semantics in the interpretation of the pledge category in modern English. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Pyatigorsk State University. 2019;1:73–76. (In Russ.)
14. Alexiadou A. Active, middle, and passive: the morpho-syntax of Voice. *Catalan Journal of Linguistics*. 2014;13:19–40.
15. Gulyás NF, Speshilova Yu. Impersonals and passives in contemporary Udmurt. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2014;38:59–91.
16. Kaufmann I. Middle voice. *Lingua*. 2007;117:1677–1714.
17. Ten MG, Kakzhanova FA. The category of voice and aspect and their interaction. *European Journal of Natural History*. 2019;1:35–38.

Submitted 14.07.2021; reviewing 02.08.2021; accepted 06.09.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

K. G. Kostina – Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of National Education, kostinaxenja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9007-1245>